

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Книга «Пророческое воображение», впервые увидевшая свет в 1978 году, была моей первой публикацией, в которой я в той или иной степени обрел свой собственный голос учителя в церкви. Многие с той поры переменялись, но при этом основной тезис, мною в то время озвученный, по-прежнему для меня актуален и продолжает определять направление моей работы. Между тем, что я говорил тогда, и тем, что имею сказать сегодня, существует безусловная преемственность.

I

В то же время с тех пор произошли большие изменения. Я хотел бы отметить подобного рода перемены в трех областях. Во-первых, в значительной мере изменились методы и подходы в критическом исследовании Библии. В 1978 году и в годы, ему непосредственно предшествовавшие, библейские исследования определялись исключительно историческим анализом, хотя на горизонте уже появились первые проблески новых подходов. Для исследования пророческих текстов эта приверженность историческому анализу

означала восприятие пророческих персоналий через призму предполагаемого исторического контекста и последующую экстраполяцию данного «текста в контексте» в тематику общего характера. Таким образом, практическое применение пророческих текстов в «пророческом служении» достаточно часто означало прямое столкновение с установившимися властями, как, скажем, в случае с Амосом, выступившим против Амасии (Ам. 7, 10-17). Подобный подход, который с высоты нашего положения представляется несколько упрощенческим, безусловно давал основание и санкцию на смелое и дерзновенное служение.

В те времена, однако, библеистика пребывала в ожидании, когда будут сформулированы методы, которые выйдут за рамки исторического анализа в его традиционном виде. В частности, социально-научный анализ, замечательным образом предложенный для ветхозаветных исследований Норманом Готтвальдом в 1979 году – спустя год после выхода моей книги – позволил взглянуть на библейские тексты как на высказывания идеологического характера, вызванные конкретными формами социальной активности и социальной политики, социального уполномочивания и социального критицизма, а в равной степени и вызывающие их.¹ Роберт Уилсон, в свою очередь, помог нам увидеть, что пророки – это не одинокие голоса, выступающие против истеблишмента, но голоса представительные, отражающие важные

---

¹ Norman K. Gottwald, *The Tribes of Yahweh: A Sociology of the Religion of Liberated Israel, 1250-1050 B. C.* (Maryknoll, N. Y.: Orbis, 1979).

социальные процессы, настроения и интересы.² Благодаря этим исследованиям пророческие тексты оказываются в более насыщенном контексте взаимодействия социальных факторов, конфликтующих по поводу верного отражения социальной реальности. Таким образом, эти тексты вступают в более тесный контакт с социальными процессами, в рамках которых они появились и в развитие которых они могли внести соответствующий вклад.

Точно так же в рамках критического исследования Ветхого Завета вот-вот должен был появиться риторический анализ с его исследованием генерирующей, конструктивной силы воображения. В 1978 году Филлис Трибл опубликовала книгу «Бог и риторика сексуальности», которая стала определенной отправной точкой в ветхозаветной библеистике для исследования того, каким образом публичная речь (а значит, и текст) порождает альтернативные миры.³ Отчасти благодаря риторическому анализу, а отчасти – крайне важной работе Поля Рикера о воображении, стало, в общем-то, очевидно, что тексты – и в частности библейские тексты – представляют собой действие воображения, предлагающего «альтернативные миры», возникающие и существующие

---

² Robert R. Wilson, *Prophecy and Society in Ancient Israel* (Philadelphia: Fortress Press, 1980).

³ Phyllis Tribble, *God and the Rhetoric of Sexuality*, ОВТ (Philadelphia: Fortress Press, 1978). Более систематически этот метод представлен в книге Трибл «Риторический критицизм: контекст, метод и Книга Ионы» (Phyllis Tribble, *Rhetorical Criticism: Context, Method, and Book of Jonah*, GBS, Minneapolis: Fortress Press, 1994).

благодаря тому или иному высказыванию.⁴ Со времени первого выхода в свет упомянутой выше книги Трибл произошел настоящий всплеск литературы, посвященной богословскому воображению и, вопреки доминирующим классическим представлениям, признающей воображение вполне законным методом познания.⁵ В силу этих новых представлений появилась возможность рассматривать библейские тексты, и в частности пророческие тексты, как поэтические сценарии альтернативной социальной реальности, которые могли привести к прямой конфронтации с устоявшимися, привычными мирами (старый либеральный посыл). Канонический текст как норма для разновозрастного сообщества мог служить также для насаждения и обоснования послушания, которое вовсе не обязательно носит конфронтационный характер, но всего-навсего исходит из иначе воспринимаемого, иначе принимаемого, иначе практикуемого мира (воображение и послушание). Таким образом, акцент на риторике как на действенном воображении позволил услышать и пе-

---

⁴ Поль Рикер (Paul Ricoeur) говорил о мире за текстом, мире внутри текста и мире перед текстом.

⁵ Среди наиболее значимых книг на эту тему можно упомянуть вышедшую не так давно книгу Гаррета Грина «Теология, герменевтика и воображение: кризис интерпретации в конце модернизма» (Garrett Green, *Theology, Hermeneutics, and Imagination: The Crisis of Interpretation at the End of Modernity*, Cambridge: Cambridge University Press, 2000). Ключевыми моментами в воображении являются мера, в которой оно отражает данность, и мера, в которой оно порождает новую данность. Грин подходит к этому вопросу весьма осторожно, однако в его самых последних публикациях наблюдается небольшой уклон в сторону конструктивизма.

реосмыслить библейские тексты в качестве создания новой реальности, противоположной реальности существующей с ее утвердившейся властью и отсутствием способности к самокритике.

Вторая из упомянутых мною перемен случилась в моих собственных взглядах. Посвящение этой книги сестрам по служению вкупе с упоминанием Хосе Порфирио Миранды (см. сноску на стр. 169) свидетельствуют о том, что в 1978 году я лишь начинал (как и большинство из нас) привносить в свою толковательную практику соображения, связанные с различными формами богословия освобождения. С тех пор мое внимание к вопросам герменевтики освобождения не только не ослабевало, но постоянно усиливалось. Конечно, герменевтика освобождения постоянно подвергается критике в печати; однако в общей массе эти критические выкладки поражают меня своей некомпетентностью, обусловленной тем, что их авторы могут позволить себе роскошь держаться на расстоянии от острых углов социальной действительности. Если рассматривать освобождение и эксплуатацию как они есть, то тесная связь между библейскими пророческими текстами и вопросами социальной справедливости, социальных интересов и социального анализа становится, по-моему, очевидной. Более того, вовлеченность американской церкви в набирающую ход глобализацию и способность церковной веры и практики легко впитывать в себя потребительскую идеологию делают вполне явной актуальность пророческого сознания в нашей среде, несмотря на все критические статьи. В любом случае, я считаю, что доводы, мною здесь изложенные, приобрели еще более значимости со времени написания этой книги именно потому, что мы все более подпадаем под

власть царского сознания. Я убежден в этом и убеждаюсь все больше и больше, размышляя о своей собственной вере в контексте происходящих вокруг меня событий.

Третья переменная, мною выявленная, заключается в том, что церковное сообщество в своих основных проявлениях все более вытесняется на край общественной жизни. По поводу причин подобной маргинализации звучит немало соображений и зубовного скрежета, а виновников находят за каждым углом. Но вероятнее всего объяснить ее можно продолжительным и глубоким воздействием секуляризации. Впрочем, какие бы причины этой маргинализации церкви как института мы ни называли, плоды ее вполне очевидны. Интересующие нас последствия этой социальной реальности заключаются в том, что старая конфронтационная модель «пророк против официальной власти», воспроизводящая ветхозаветное понятие «пророк против царя», реализуется все труднее и без серьезного социального эффекта. Конфронтационная модель подразумевает, что пророческий голос обладает достаточным воздействием – социальным или нравственным, – чтобы обратить на себя внимание людей. В настоящее время старая пророческая позиция подобных церквей в значительной мере утратила свой вес, так что прежний конфронтационный подход серьезного влияния на людей не имеет. В заданной социальной реальности, сомневаться в которой, думаю, не приходится, все пророческое должно быть более искусным, притягательным, тонким и, может быть, более ироничным.

По этой причине важно понимать, что пророческие тексты, имеющие большой конфронтационный заряд, не следует воспроизводить и снова вводить в оборот как они есть,

напрямую. Скорее, их следует рассматривать как материалы, которые могут поддержать голос, претендующий на звание пророческого, сообщить мудрость и мужество, но которые затем побуждают прибегнуть к огромной силе воображения, чтобы узнать, как перейти от подобных текстов к реальным обстоятельствам. Этот шаг, требуемый современным контекстом, подразумевает восприятие пророческих текстов как текстов, а не как персоналий, что свойственно прежней конфронтационной модели. Таким образом, мой акцент на воображении оказался верным, поскольку, согласно современным требованиям, относительно бессильный пророческий голос должен найти способы заставить услышать себя через воображение, основывающееся на тексте, но свободно и смело переходящее от текста к конкретным обстоятельствам. Если рассматривать его с точки зрения контекста, пророческое воображение требует не старой либеральной конфронтации (если цель – не просто встать в позу), а действенной перемены в социальной перспективе и социальной политике.

II

Поскольку я в некотором роде приравнял царское сознание сознанию ложному, следует отдать должное последовательной критике моей позиции со стороны моего друга Дж. Робертса и его учеников. Они настаивают на том, что я слишком суров к монархии в Ветхом Завете и к царской тематике отношусь слишком жестко и пренебрежительно. Возможно, так оно и есть. Но мне представляется важным выделить две причины, по которым мы так по-разному смотрим на этот вопрос. Во-первых, я предпринял попытку провести

серьезный социальный анализ той идеологии, которая присутствует в царских текстах. То есть я применил к тексту свою собственную герменевтику подозрения. Я считаю, что вполне оправданно рассматривать итог Соломонова правления в свете взаимодействия *идолопоклонства* (3 Цар. 11, 1-13) и *критики экономической политики с упоминанием непосильного труда* (3 Цар. 12, 1-19). Сочетание идолопоклонства и экономической политики выливается в подозрительное отношение к монархии, выраженное в этом тексте. Во-вторых, вполне очевидно, что монархии был положен конец, и любое прочтение Ветхого Завета позволяет сделать однозначный вывод о том, что конец монархическому правлению наступил в силу непослушания Торе. Едва ли возможно, по моему мнению, рассматривать непослушание Торе в отрыве от реалий социальной практики. Таким образом, надежную богословскую апологетику монархии в Ветхом Завете в ее конкретных проявлениях можно выстроить только в отрыве от социального анализа и при наличии определенной степени наивности. В-третьих, я считаю, что движущей силой апологетики монархии является стремление рассматривать пришествие Христа как кульминацию царской родословной. То есть, я считаю, что у этой апологетики богословская мотивация, весьма далекая от анализа, проводимого мной. Я ни в коем случае не собираюсь вменять своим критикам нечто помимо законных исследовательских устремлений, ведь может статься, мы просто по-разному понимаем смысл того или иного текста. Я допускаю, что никто из нас не объективен и не предубежден в своих суждениях – ни я, ни они. Полагаю, я вправе изложить свое понимание сути разногласий

и рассматривать собственное суждение по данному вопросу как нечто условное.

III

Как оказалось, взаимодействие таких разных понятий – «пророческое» и «воображение» – сыграло важную роль. Должен признать, однако, что это словосочетание возникло по счастливой случайности, а решение о названии этой книги было принято уже на последнем этапе подготовки ее к публикации. Тем не менее, считаю это название весьма удачным, потому что пророческая вера в плоском, конфронтационном стиле без воображения – вещь бесполезная. Что касается самого словосочетания, вынесенного в заглавие книги, с удовольствием должен отметить, что в 1982 году, вскоре после выхода моей книги в свет, Ф. Асалс опубликовал свое исследование трудов Фланнери О’Коннор в книге под названием «Фланнери О’Коннор: воображение крайности».⁶ Шестую же главу своей книги он озаглавил «Пророческое воображение».⁷ Конечно, мне и в голову не придет сравнивать свою писанину, тогдашнюю и нынешнюю, с мастерством Фланнери О’Коннор. Тем не менее, я уверен, что присоединение слова «пророческое» к слову «воображение» неизбежно начинает вести в художественном направлении, где истина высказывается так и под таким углом, чтобы ее не приручила в одночасье или не истолковала себе в угоду

---

⁶ Frederick Asals, *Flannery O’Connor: The Imagination of Extremity* (Athens: University of Georgia Press, 1982).

⁷ Там же, с. 198-223.

доминирующая сила. Вот что говорит Асалс о творчестве О'Коннор:

О'Коннор открыла для себя, что воображение может достигнуть гораздо большего; оно может стать каналом провидческого знания... Для О'Коннор, как и для Фомы Аквинского, такое воображение, уходящее глубокими корнями в человеческое бессознательное, это связующее звено между глубинами человеческого «я» и невидимыми всеенскими сферами, которые могут открыть смертному человеку его апокалипсическую участь... Воображение для О'Коннор – сила столь же опасная, что и для Фрейда, ибо эта сила открывает, в те потрясающие моменты, когда она находит выход, нечто нежеланное и неожиданное, что разоряет и опустошает жизнь ее героев.⁸

...Будучи по определению охранителем пророческого Слова, церковь редко когда с распростертыми объятьями встречает отдельные голоса, вопиющие: «Так говорит Господь».⁹

...Ни в коем случае не отрицая тело и разум, аскетизм в ее поздних художественных произведениях последовательно их утверждает, освобождая ее героев от ложного сознания ради постижения реальности. Однако реальность, в пророческом разумении, всегда двойственна: «Мир сей, перестав быть тенью идей из вышних сфер, реален, но не абсолютен; реальность мира зависит от совместимости с Богом».¹⁰ Для сакраментального духа, свойственного О'Коннор, как раз естественный мир становится орудием

---

⁸ Там же, с. 213.

⁹ Там же, с. 215.

¹⁰ Там же, с. 221, с определяющей цитатой из Abraham Heschel, *The Prophets* (New York: Harper&Row, 1962), 10.

в руках сверхъестественного, и буквальный возврат ее персонажей в чувство становится средством, которое раскрывает их воображение для восприятия реальности.¹¹

В центре пророческого сознания находится страдание. «Пророк готов терпеть боль. Одно из последствий его присутствия – это преумножение способности людей к страданию, разорванная завеса между жизнью и болью».¹² ... Данный аскетический императив в произведениях О'Коннор составляет часть этого пророческого сознания...¹³

Как автор художественных произведений Фланнери О'Коннор не питала никакого интереса – и не прилагала творческой фантазии – к «христианству, соответствующему запросам общества».¹⁴

Конкретная, страстная и образная, пророческая по своей форме, пророческая речь, однако же, есть острый меч, передающий видение, «предназначенное скорее для того, чтобы шокировать, а не поучать».¹⁵

Умеренность – это заблуждение и иллюзия, и только сторонники крайних взглядов находятся в тесном контакте с реальностью.¹⁶

Произведения О'Коннор информативны, трудны для понимания, поэтому и аллюзии в анализе Асалса тоже трудны для понимания, и расшифровывать их здесь я не стану. Достаточно будет отметить, во-первых, что она нередко обра-

---

¹¹ Там же, с. 221.

¹² Там же, с. 226. Цитата из Heschel, 179.

¹³ Там же, с. 226.

¹⁴ Там же, с. 227.

¹⁵ Там же, с. 228, с цитатой из Heschel, 7.

¹⁶ Там же, с. 233.

щается к Аврааму Хешелю, который представляет большую важность и для моего труда. Во-вторых, нужно подчеркнуть, что в ее представлении понятие пророческого есть истина – непостижимая и запредельная для ее героев в их обычном состоянии. Таким образом, я считаю, *пророческое* должно быть *воображаемым*, поскольку находится вне рамок обыденного и разумного.

Анализ Асалса позволяет сделать вывод о том, что О'Коннор поднимает проблематику ложного сознания, – которое я именую царским сознанием, – определяющего фактора страданий для принятия истины о том, что установившиеся институты и общественные соглашения относятся крайне отрицательно к подобному воображению. Пророческие изречения и поступки неизбежно оказываются абсурдными, но это та абсурдность, в которой и заключена суть истины послушного воображения.

IV

Поскольку перед этой книгой стоит задача послужить практическим нуждам церкви, я беру на себя смелость высказать свое мнение по поводу естественного местообитания пророческих голосов. Совершенно очевидно, что Бог может воздвигать пророков и уполномочивать пророческие голоса и деяния как ему угодно – в любом месте, в любое время и при любых обстоятельствах. Если же, однако, мы посмотрим на этот вопрос с человеческой точки зрения, то нам не должно показаться странным, что некоторые социальные среды более прочих расположены к пророкам и скорее другие могут оказаться местом их появления. Вместе с Уилсоном

с его понятием «периферийные пророки» я считаю, что пророки естественным образом появляются в сообществах, пребывающих в напряженных отношениях с доминирующей культурой в любой политической системе.¹⁷

Сообщество, способное рождать пророчество, должно участвовать в публичной жизни доминирующего общества; однако делает оно это с определенных позиций и с определенным намерением. Для подобного сообщества характерны

- *долгая и легкодоступная память*, которая погружает нынешнее поколение глубоко в обозреваемое прошлое, живущее в песнях и повествованиях;
- доступное и ярко выраженное *чувство боли*, осознанное и излагаемое как реальный социальный факт, который наглядным и публичным образом признается и понимается как невыносимый в долгосрочной перспективе;
- *деятельная практическая надежда* в рамках сообщества, которое знает об обетованиях, которым еще предстоит исполниться, обетованиях, по которым надлежит судить о настоящем;
- *эффективный способ передачи информации и знаний* от одного поколения другому, воспринимаемых как уникальные и в значительной мере закодированных – настолько, что они доступны только членам сообщества.

Другими словами, подобное сообщество ценит, почитает и бережно хранит первоочередные, базисные, начальные

---

¹⁷ Wilson, *Prophecy and Society*, 69-83 и далее.

реалии человеческого, физического, исторического бытия. Вполне очевидно, что подобное сообщество осознает себя в длительном конфликте с доминирующим сообществом, которое реагирует на сообщество в лучшем случае как на некое неудобство, а в худшем – как на помеху, которую нельзя терпеть.

Исходя из этой характеристики напрашиваются три конкретных вывода:

- Нет ничего удивительного в том, что заметные пророческие фигуры двадцатого столетия появились в угнетаемой, но не вполне подавленной среде, в обстоятельствах, когда сообщества могли пользоваться достаточной степенью свободы, чтобы сопротивляться и практиковать альтернативные взгляды.
- Огромная технологическая мощь Соединенных Штатов делает формирование и поддержание деятельности групп сопротивления в этой стране, практикующих альтернативные взгляды, крайне затруднительными. Более того, при всех так нами любимых разговорах о личной свободе, сила однородности весьма велика – отчасти соблазнительное, отчасти принудительное, отчасти непреодолимое воздействие изобилия, в любом случае враждебное всякому несходству.
- Конечно, христианскую общину в процветающих Соединенных Штатах было бы неправильно сопоставлять с альтернативными группами сопротивления в более жестоких обществах, однако церковь в Соединенных Штатах вполне можно воспринимать как сообщество, осуществляющее определенное

служение. Здесь нет никакой апологетики сектантской обособленности – в чем нередко обвиняют Стэнли Хауэрваса и Уилла Уиллимона – или озлобленного сообщества, без конца протестующего словами и делами. Скорее, речь идет о сообществе, которое рассуждает и постоянно обращается к памяти, надежде и боли, поддерживая здоровое человеческое существование перед лицом всей этой виртуальной реальности, столь широко представленной ныне в доминирующей культуре. Размышление над библейской верой позволяет прийти к выводу, что библейский текст открывает доступ к таким видам речевой деятельности, которые делают возможным существование такого сообщества. Образование и поддержание такого сообщества требуют совместной готовности его членов участвовать в актах сопротивления и глубокой надежды. Эти акты, в свою очередь, требуют пасторского руководства, осуществляемого с намеренным общинным акцентом, а именно с акцентом на сообществе с евангельской волей к участию в общественной жизни.

В современном мире нам порой попадают на глаза гонимые пророки. В нашей электронной среде с присущим ей потребительством не так-то просто представить себе пророка, произносящего соответствующие речи и совершающего соответствующие поступки, и тем не менее подобное потребительство как раз и представляет собой первоочередное условие для существования пророческой веры в Соединенных Штатах. Как известно любому живому сообществу, определяющей и необходимой предпосылкой для такого

сообщества служит убежденность в том, что оно может и будет отличаться от доминирующей среды в силу непреложных Божьих намерений. Дефицит такой убежденности, к которому предрасположены все мы, приводит к безысходному конформизму, к возникновению атмосферы, в которой пророческое едва ли возможно.

V

Я приобрел совершенно новое понимание богословского воображения благодаря не только глубоко всколыхнувшей, но и ободрившей меня книге Уильяма Каваны «Пытки и евхаристия: теология, политика и Тело Христово».¹⁸ Эта книга представляет собой поразительный критический анализ роли и образа действий Римско-католической церкви в Чили в годы террора при Пиночете. По мнению Каваны, пытки и террор, насаждаемые Пиночетом, имели перед собой цель сделать человеческое сообщество невозможным, лишить людей всякого шанса на несогласие или собственный выбор и таким образом гарантировать неограниченную власть в государстве.

В своем анализе Каваноу приходит к выводу, что в первые, ранние годы этой жесткой диктатуры церковь и ее руководство впали в оцепенение и, опустив руки, отдали все на произвол режима. Однако с какого-то момента епископы церкви начали понимать, что определяющее для сообщества чудо евхаристии есть орудие Божьего правления и практический инструмент рождения сообществ, сопротивляющихся

---

¹⁸ William T. Cavanaugh, *Torture and Eucharist: Theology, Politics, and the Body of Christ* (Oxford: Blackwell Publishers, 1998).

государству. Таким образом, имея под собой глубокие богословские основания, а также в силу практических соображений, евхаристия оказалась действенным, хоть и рискованным, средством против пыток.

В последних абзацах своего исследования Кавану рассуждает о силе литургического воображения, обращаясь к роману Лоуренса Торнтона «Мечтая об Аргентине».¹⁹ Главный герой этого романа, Карлос Руэда, отмечен особенным, чудесным даром, способностью творить будущее с помощью воображения, предвосхищая грядущие события. Кавану подводит такой итог:

Что особенно поражает, так это то, что дар Карлоса – не просто дар ясновидения; его рассказы о людях могут и в самом деле изменять реальность. Мужчины, появляющиеся среди ночи, чтобы вернуть отобранных детей их матерям. Дыры, зияющие в мощных бетонных стенах, и замученные узники, выбирающиеся через них на волю. Воображение Карлоса в самом деле позволяет ему находить пропавших людей... Столкнувшись с этими чудесными явлениями, друзья Карлоса, тем не менее, остаются скептиками, будучи убеждены в том, что Карлосу с его озарениями не по силам противостоять танкам и вертолетам. Они видят конфликт только в понимании «фантазия против реальности», тогда как Карлос хорошо понимает, что на самом деле противостояние идет не между воображаемым и реальным, но между двумя типами воображения – между воображением генералов и воображением их оппонентов. Кошмарный мир пыток и исчезновений людей неразделим с генеральским воображением, их представлением о том, что такое

---

¹⁹ Lawrence Thornton, *Imagining Argentina* (New York: Doubleday, 1987).

Аргентина и кто такие аргентинцы. Карлос осознает, что «он являлся [генералу] Гусману и ему подобным в снах, что он живет в их воображении».²⁰

Затем Кавану приводит цитаты из самого романа:

Они помнят время до режима, но они не дают своему воображению выйти за рамки воспоминаний, потому что надежда приносит слишком много боли. Пока мы соглашаемся с воображением людей в воронках, нам не подняться... Деваться некуда, нам нужно верить в силу воображения, потому что это все, что у нас есть, а ведь наше воображение будет посильнее, чем у них.²¹

Затем Кавану подводит итог своим размышлениям о романе:

Относиться к пыткам как к воображению государства вовсе не означает отрицать реальность пыток. Это значит обращать внимание на то, что пытки составляют часть драмы, в которой людям предписываются определенные роли в воображаемом проекте «народ–государство». Точно так же в романе «Мечтая об Аргентине» воображение Карлоса проявляется себя в реальных результатах; спасение от воображения государства означает свободу для людей. Воображение ни много ни мало определяется как величественная причина бытия. Роман Торнтон позволяет нам хотя бы отчасти понять, что означает это странное утверждение о евхаристии как ключе к христианскому сопротивлению пыткам. Участвовать в евхаристии значит жить в рамках

---

²⁰ Cavanaugh, *Torture and Eucharist*, 278, с цитатой из Thornton, 131

²¹ Lawrence, *Imagining Argentina*, 65. Цит. по: Cavanaugh, *Torture and Eucharist*, 279.

Божьего воображения. Это значит быть вовлеченным в настоящую реальность, в тело Христа. Когда люди, телом и душой, участвуют в жизнедеятельности Христова *corpus vegetum*, они оказывают сопротивление способности государства определять реальность через механизм подавления и пыток.²²

Едва ли можно сказать что-то еще о воображении как о богословской силе.

Остается лишь отметить, что нужда в евхаристическом воображении в Соединенных Штатах явно отличается от нужды в нем в контексте насилия, существовавшего в Аргентине и Чили. Безусловно, эта разница столь велика, что едва ли можно говорить о переносе силы воображения из одного контекста в другой вообще. Если южно-американские народы страдают от пыток и прочих видов физического насилия, то для культурной обстановки Соединенных Штатов, насыщенных потребительскими товарами и бурно прогрессирующих благодаря электронным технологиям, характерны своего рода одурманенность и нечувствительность к человеческой действительности. Впрочем, вполне может быть, что пытки и товарное пресыщение выполняют похожие функции, отрицая живое, общинное воображение, сопротивляющееся бездумности безысходного конформизма.

Если евхаристия есть потенциальный акт сопротивления и альтернатива пыткам, то евхаристическое воображение может в равной мере вылиться и в сопротивление и альтернативу потребительскому насыщению. Вполне очевидно, что в нашем американском обществе, как и в более жестоких контекстах, существуют два типа воображения – воображение

²² Cavanaugh, *Torture and Eucharist*, 279.

«генералов» и воображение «повстанцев», то есть воображение, присущее потребительской идеологии, и воображение тех, кто ей сопротивляется. Нам, членам американского общества, слишком легко живется в рамках первого воображения, тогда как последнее может наделить нас способностью жить в рамках Божьего воображения. Способность человека к преобразующей деятельности зависит от преобразенного воображения. Оцепенение, нечувствительность не столь болезненны, как пытки, но нечувствительность с тем же успехом лишает нас способности быть людьми.

Пророческая традиция знает о себе, что она может быть разная и что эта разность может быть предписана и введена в действие. В конце этого издания книги я перечислил несколько примеров предписанного пророческого воображения. Мною упомянуты люди, сообщества и институты, которые отказались жить в рамках чуждого, одурманивающего воображения, отдав предпочтение воображению Божьему. Подобная альтернатива может и не отличаться силой или мудростью. И однако же

немудрое Божие премудрее человек, и немощное Божие сильнее человек. Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее (1 Кор. 1, 25-28).

VI

Мне остается лишь выразить благодарность тем, кто потрудился над вторым изданием моей книги. Его движущей силой стал К. Хэнсон из издательства «Фортресс Пресс». Он не только стал его инициатором, но и выполнил существенную часть работы по подготовке нового издания. Он внес необходимые изменения в текст, снабдил его новыми примечаниями, подготовил библиографические списки. Без него это обновленное издание вряд ли состоялось бы, и я глубоко благодарен ему за потраченные усилия.

Кроме того, я хотел бы поблагодарить Темпи Александер, которая с присущей ей тщательностью выполнила свою работу. И конечно же я хочу выразить свою признательность десяткам и сотням читателей, которые осилили эту книгу и откликнулись на изложенные в ней мысли, не дав моему труду пропасть втуне. У меня, как и у моих читателей, есть ощущение причастности к жизненно важным вопросам миссии, которые должны нас ныне глубоко волновать.

Уолтер Брюггеман
Пятидесятница, 2000 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Вполне возможно, для церкви пришло время серьезно задуматься о пророчестве как о крайне важном элементе служения. Что ж, студенческие волнения шестидесятых канули в прошлое, самое время прийти в себя и вернуться к основополагающим вопросам библейской веры.

Изложенные ниже соображения представляют собой попытку понять, чем занимались пророки, оставив в стороне наши стереотипные представления о них как о предсказателях или деятелях социального протеста. Я попытаюсь доказать в этой книге, что их волновали фундаментальные перемены в человеческом обществе и что они хорошо разбирались в том, как эти перемены осуществляются. Пророки понимали, что возможность что-то изменить связана с эмоциональными крайностями жизни. Они видели странное несоответствие между общественными убеждениями и личными устремлениями. И самое главное, они осознавали особую силу языка, свою способность говорить так, чтобы извлечь из слова новизну. Я попытаюсь показать, что пророческое понимание реальности основывается на представлении, согласно которому всякая социальная реальность произрастает из слова. Цель тоталитаризма любого рода – воспрепятствовать языку новизны, и мы видим ныне, что там, где такой язык заставляет умолкнуть, в людях остается меньше человеческого.

Эти лекции были впервые прочитаны для служителей Объединенной церкви Христа и Учеников Христа в штате Вашингтон, где мне был оказан радушный прием со стороны Ларри Питмана и Джеймса Халфейкера, а также в семинарии Норт-Парк, г. Чикаго, где я пользовался всемерной поддержкой декана Гленна Андерсона. Оформлению этих мыслей в немалой степени поспособствовал и мой коллега Дуглас Микс, вдохновлявший меня в моих изысканиях.

Немалая заслуга в появлении этой книги принадлежит и моим сестрам по вере, которые во все большем числе вливаются в ряды рукоположенных служителей, завоевав, наконец, признание в этом качестве. Для меня, конечно, главенствующее место в этой категории моих коллег занимает моя жена Мэри, совершающая пасторское служение в пророческом духе. Эта группа служителей пополняется в том числе и за счет моих бывших студенток, которым я преподавал в Иденской семинарии.

Написав эту книгу, я все больше убеждаюсь в том, какое благотворное влияние стали оказывать наши сестры на нашу боголовскую мысль. Это воздействие осуществляется не кавалерийскими наскоками, но тонкой настройкой всего нашего восприятия. Я не думаю, что женщины-служители или женщины-богословы первыми разглядели реалии скорби и удивления в нашей жизни, но они помогли нам осознать их как важные составляющие пророческой действительности. Со своей стороны могу заверить, что эти сестры позволили мне увидеть то, что я в противном случае вполне мог упустить. И я благодарен им за это.

Уолтер Брюггеман
Иденская богословская семинария
Великий пост 1978 г.